

ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ 1987

Сборник статей

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Л. С. ЧИКОЛИНИ

Москва
«НАУКА»
1987

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
2	3 сл.	А. В. Ревякин	Г. С. Кучеренко
76	8 сл.	féforme	réforme
81	11 сл.	Thédrie	Théorie
173	6 сл.	el	et
173	12 сл.	sclete	scelte

Заказ № 3083

СТАТЬИ

А. Э. Штекли	Энгельс и английский перевод «Коммунистического манифеста» (1850)	3
А. В. Ревякин	Этьен Кабе о французских буржуазных революциях	25
К. М. Андерсон	Мексиканский проект Роберта Оуэна	47
Г. В. Аксенова	Барбье и Керар об авторе «Кодекса природы»	69
С. Я. Карп	Бриссо об «Утопии» Томаса Мора (80-е годы XVIII в.)	76
Э. И. Валлич	Проект аграрной реформы Огилви	86
Е. К. Кузьмичева	Идея справедливости в трудах Б. Х. Фейхоо-и-Монтенегро	100
В. Ф. Мордвинцев	«Синания» — испанская утопия неизвестного автора	112
Т. А. Цавлова	О зарождении коммунистических воззрений Уинстэна	129
В. Д. Балакин	Община в утопии Андреэ	154
Л. С. Чиколени	«Политические афоризмы» Кампанеллы	172
О. Ф. Кудрявцев	Гуманистические представления о справедливости и равенстве в «Утопии» Томаса Мора	197
Ю. К. Некрасов	Томас Мюнцер и швейцарские анабаптисты XVI в. об идее общности имущества	215

ИСТОРИОГРАФИЯ

И. Н. Осиновский	Исследование или памфлет? (О книге Дж. Ридли «Государственный деятель и фанатик. Томас Уолси и Томас Мор». Л., 1982)	235
------------------	--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. Володарский	Ганс Гергот и утопия «О новом преобразовании христианской жизни» (Вступ. ст., пер. с нем. и коммент.)	252
-------------------	---	-----

РЕЦЕНЗИИ

А. В. Ревякин	А. Р. Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840—1841 гг. М.: Наука, 1983. 272 С.	274
О. Ф. Кудрявцев	G. M. Logan. The meaning of More's «Utopia». Princeton: University Press. 1983. 296 p. Дж. М. Логан. Значение «Утопии» Мора. Привстон. 1983. 296 С.	279

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>

Наверное, никто не считал Оуэна баловнем судьбы. Его преклонным годам сопутствовала нелестная молва. Немногие помнили то давнее время, когда он имел капитал, славу, положение в обществе. Обыватель пребывал в убеждении, что из-за блажи Оуэн лишился состояния и благосклонности публики. Полвека затевал он грандиозные преобразования и неизменно терпел внушительные поражения, между которыми вкрапливались неудачи помельче. Чего он достиг к старости, кроме одиночества и насмешек? ¹

Оуэн, впрочем, не досадовал на прожитое. «Бесстрастно обозревая свою жизнь, от первых детских впечатлений до нынешнего часа,— писал он незадолго до смерти,—я вижу череду необычных, скорее невероятных, событий, связанных словно звенья одной цепи, кои подвигали меня на исполнение (великой) миссии» ². Он вел отсчет свершений сообразно своей особой мере непреходящего. Мнение света не заботило его. «Ныне решится спор между мной и миром,— заявил Оуэн в 1816 г.,— либо мир чудовищно безумен, либо я» ³. Ему претила ложь, а посему он во всеуслышание объявил себя единственно разумным созданием среди поголовных невежд, населяющих Землю ⁴. Не кем-нибудь, а именно им обнаружена благотворительная, хотя и не всеми понятая, «социальная система». Она покончит с хаосом, длящимся тысячелетия ⁵. Подлинная история человечества откроется повествованием о жизни Роберта Оуэна, где даже мелочи исполнены вселенского значения ⁶.

Честолюбие Оуэна противостоит век, минувший с его времен. Он позволил непредвзято оценить силу и слабость мыслителя, отделил бесплодные начинания от давших ростки. Суждения Оуэна о своих делах, казалось бы, не более чем частное мнение. Стоит ли внимать его сентенциям о собственной исключительно-

¹ Последним дням Оуэна, отношению к нему соотечественников посвящен прекрасный очерк А. И. Герцена. См.: *Герцен А. И.* Былое и думы. М., 1982. Т. 2. С. 161.

² *Owen R.* Life of R. Owen, written by himself. L., 1920. P. XI.

³ *Owen R.* Address to the inhabitants of New Lanark // *Owen R.* New view of society and other writings. L., 1924. P. 114.

⁴ *Owen R.* Book of the New moral world. L., 1849. Pt 2. P. 48.

⁵ *Ibid.* P. 46.

⁶ Например, происшествие с овсяной кашей, которая якобы воспитала в нем дар мыслителя. См.: *Owen R.* Life of R. Owen .. P. 2—3.

сти, о признании его заслуг миром духов и прочим сомнительным высказываниям? Каждый волен чудачить, тем паче гений. Удобное объяснение тому, что не укладывается в наши представления.

На одном диспуте Р. Оуэн сказал своему оппоненту: «Не нашлось ни единой точки соприкосновения между нашими умами. Мы шли по параллельным линиям, которые никогда не смогут пересечься»⁸. Создавая облик Оуэна вопреки автопортрету утописта, не приемля его истолкования своей жизни, мы, подобно тому оппоненту, рискуем недопустимо далеко отойти от оуэновской линии. Не обращается ли порой во вред наше безусловное право судить о наивности или мудрости поступков Оуэна? Эти размышления побудили автора обратиться к событию, на первый взгляд непримечательному.

О поездке Оуэна в Мексику исследователи упоминают мимоходом, уделяя ей страницу-другую⁹. Сюжет сего эпизода прост. Осенью 1828 г. Роберт Оуэн отправился за океан, дабы уговорить мексиканское правительство уступить ему Техас и Коауилу. Разумеется, он вернулся ни с чем. Затея, не лишняя экзотики, но столь же безнадежная, как попытка вразумить монархов Священного союза¹⁰. Она ничего не изменила, никого не потревожила.

Казалось бы, и сам Оуэн вскоре забыл о своем бесполезном, хотя и занимательном, странствии. Иные увлечения захватили его. С поразительной быстротой распространялось оуэновское учение в Англии, где недавно он встречал только настойчивое непонимание. Десятки тысяч ремесленников, мастеровых взирали на него как на духовного наставника. Он обрел точку опоры, мысль его в эти годы была особенно дерзновенной. Банки обмена труда, кооперативные товарищества, Национальный союз производств не просто воплощение идей Роберта Оуэна, а целая эпоха в истории рабочего движения¹¹.

К 1849 г. все было уже в прошлом. Рассеялась вера в его

теорию. У него оставались друзья, но не сохранилось учеников. Невзирая ни на что, Оуэн по-прежнему возвещал скорую «революцию в сознании и деятельности человеческого рода». Так же озаглавлена одна из его последних и лучших книг¹². Ничто не поколебало убеждений Оуэна. Да и можно ли сомневаться в том, что опробовано на деле? Он не имел в виду «Новую Гармонию», Рабочие базары или тред-юнионы. К чему вспоминать поражения? Иное дело — Нью-Лэнарк, успех которого никем и никогда не оспаривался. Обстоятельно, с удовольствием повествует Оуэн о покупке фабрики, о введенных им порядках, о всемирной известности своего детища¹³. Рекомендации безупречнее он, пожалуй, не мог бы представить. В книге, однако, Оуэн приводит еще одно свидетельство своих достижений: давно преданный забвению мексиканский план¹⁴. Удивительное сочетание: самое прославленное свершение и прожект, оставшийся благой идеей. Что общего между ними? Почему из многих неудач он счел достойной увековечения именно эту, занесенную историками в ряд курьезов? Быть может, сей случай не столь уж анекдотичен? Вернемся к его истокам.

Все началось с того, что в конце 1828 г. к Оуэну обратился мексиканский посол в Лондоне и некоторые «лица, интересующиеся прогрессом человечества». Они уговорили его поехать в Мексику и договориться с властями о передаче под его управление Техаса и Коауилы¹⁵. Происшествие воистину достопамятное. Официальный представитель республики упрямивает Оуэна стать правителем огромнейшей провинции! Государство идет на поклон к творцу «социальной системы»!

Существует более скромный вариант этой истории. «Несколько владельцев значительных земельных держаний в провинции Техас обратились к мистеру Оуэну с предложением войти в дело (take an interest) и содействовать заселению их участков», — уведомляло предисловие к «Меморандуму г-на Оуэна республике Мексика», опубликованному в октябре 1828 г.¹⁶ Посол среди просителей не значился. В замысле Оуэна он, по правде говоря, принял косвенное участие: выдал визу и снабдил рекомендательным письмом, не сумев отговорить от поездки¹⁷.

Хотя в «Меморандуме» событие изложено более правдоподобно, одна детальстораживает. Оуэн имел обыкновение оглашать имена влиятельных персон, проявивших хотя бы любопытство к его учению. Между тем никто из техасских землевладельцев не назван по имени. Фрэнк Подмор, тщательно изучивший архив

⁷ Ссылка на неумняемость Оуэна нередко встречается в западной историографии. См., например: *Кол (Коул) Дж. Г. Д.* Роберт Оуэн. М.; Л.: 1931. С. 138; *Garnett R. R. Owen and the community experiments* // R. Owen, *propheet of the poor*. Lewisburg. 1971. P. 53.

⁸ *Owen R. Opening speech and Reply to the Rev. A. Campbell... also Mr. Owen's Memorial to the Republic of Mexico*. Cincinnati, Ohio, 1829. P. 148.

⁹ В большинстве исследований лишь констатируется факт поездки. Краткие сведения о ней приведены в кн.: *Кол (Коул) Дж. Г. Д.* Указ. соч. С. 146; *Podmore F. R. Owen: A Biography*. L., 1905. P. 340—342; *Cantu G. El Socialismo Mexicano*. Mexico, 1963. P. 140—141.

¹⁰ *Owen R. Life of R. Owen...* P. 247, 252; *Owen R. Adresse aux souverains à Aix-la-Chapelle*. P., 1819.

¹¹ Оценка роли Р. Оуэна в рабочем движении дана Ф. Энгельсом в исследовании «Развитие социализма от утопии к науке». См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 200; см. также: *Галкин В. В.* Из истории кооперативного движения в Англии // Из истории социальных движений и общественной мысли. М., 1981; *Андерсон К. М.* К вопросу о характере оуэнистских организаций // Там же; *Он же.* Оуэнисты и радикалы // История социалистических учений. М., 1984.

¹² *Owen R. Revolution in mind and practice of the human race*. L., 1849.

¹³ *Ibid.* P. 4—38.

¹⁴ *Ibid.* P. 169—171.

¹⁵ *Oуэн Р.* Революция в сознании и деятельности человеческого рода // Оуэн Р. Избр. соч. М., 1950. Т. 2. С. 300.

¹⁶ *Owen R. Memorial of R. Owen to the Mexican Republic and to the government of State of Cohauila and Texas*. L., 1828. P. 1.

¹⁷ *Owen R. Memorial...* P. 1; *Podmore F. Op. cit.* P. 338.

Р. Оуэна, обнаружил в нем всего один документ, связанный с мексиканским проектом. Это письмо некоего Майлэна и его компаньона, генерала Уэйвела, в котором перечислены выгодные условия аренды нескольких ранчо в Техасе¹⁸. Что мешало Оуэну сослаться на них? Чувство неловкости? Ведь ему предложили партнерство в чисто коммерческом предприятии. Он же попросил уступить весь штат, причем бесплатно¹⁹. Не потому ли, встретившись в Мехико с Уэйвелом, Оуэн ограничился обменом визитными карточками?²⁰

Как бы волно ни обошелся Оуэн с предложением техасцев, их послание могло натолкнуть его на создание собственного плана. Но оно, похоже, не при чем. Письмо отправлено из Луизианы 30 августа 1828 г.²¹ Оуэн мог получить его в лучшем случае в конце сентября, когда уже был готов испанский перевод рукописи «Меморандума». Необычная последовательность: вначале проект, затем просьба о нем. Быть может, он возник без подсказки?

Письмо все-таки пригодились. В середине октября, публикуя «Меморандум», Оуэн, не кривя душой, мог уведомить в предисловии, что у него просят помощи в колонизации Техаса. Остальное читатель домыслил бы сам: у Оуэна ищут совета люди, что-нибудь да значащие в этом мире²². Толика неназойливой рекламы никогда не мешала Оуэну. Тем более осенью 1828 г. Не далее как в июне он навсегда покинул «Новую Гармонию», вернее то, что осталось от общины²³. До сих пор он слыл везучим предпринимателем. Все, к чему Оуэн прикладывал руку, процветало: крошечная мастерская в Манчестере, фабрика Дринкуотера, Нью-Лэнарк²⁴. И вот первое банкротство, нанесшее ущерб состоянию и, что горше, репутации. Требовался эффектный реванш. Каким образом намеревался Оуэн восстановить пошатнувшийся авторитет? Создав в Мексике очередную общину, полагает большинство исследователей²⁵. Вероятно, она отличалась бы от «Новой Гармонии» размерами, названием, но ничем существенным. Новая страна — план старый. Все, что он мог сказать оригинального, было поведано в начале 1820-х годов²⁶. Именовал ли он впоследствии свою систему «рациональной»,

«кооперативной» либо «социальной», суть ее оставалась прежней. Менялся мир, но не Оуэн²⁷.

«Петиция Оуэна (Мексике.— К. А.) является кратким извлечением из „Очерков об образовании характера“, написанных в 1813 г.,— утверждает Гастон Г. Канту, единственный историк, взявший на себя труд составить хотя бы общее суждение о «Меморандуме»²⁸. Действительно, в нем повторяются известные мысли о формировании характера, разумном «состоянии общества», обеспечивающем вечное счастье человечества. Очевидно, неудача «Новой Гармонии» не повлияла на убеждения Оуэна. Но разве верность идеалу равнозначна косности?

Поражения учат не хуже побед. Однако, судя по литературе, опыт, поставленный в США, Оуэна не образовал. Все же трудно представить, чтобы он возобновил без изменений провалившийся эксперимент. Вероятно, он не создал бы в Техасе некий антипод «Гармонии», но вряд ли бы и скопировал ее. Может статься, Оуэн переосмыслил не так уж мало?

Поясняя мексиканцам свои намерения, он ни словом не обмолвился о внешнем виде общины и ее преимуществах. Ранее Оуэн относился к сему предмету гораздо ревностнее. В докладах и речах 1810-х годов он подробнейшим образом описывал ансамбль зданий («поселка единения и сотрудничества», планировку апартаментов, фасон одежды и прочие детали быта, сопровождаемая повествование точной сметой расходов²⁹. Во множестве экземпляров распродавалась гравюра, изображавшая величавые сооружения общины. Оуэн заплатил солидную сумму за деревянную модель «поселка единения», которую преподнес американским законодателям³⁰. Наверное, не все постигали глубинный смысл его идей, но, пожалуй, каждый знал: Оуэн собирается переселить всех в «параллелограммы». И сам он предрекал, что новые поселения вытеснят современные дома, деревни, города. Конечно, Оуэн имел в виду не просто тип построек, а иную форму человеческого общежития или, по его выражению, новую модель «сочетания условий жизни»³¹. Все было продумано, от убранства комнат до распорядка дня, ибо только в определенной обстановке человек мог стать добрым, разумным, счастливым³².

«Новая Гармония» походила на «модель общины» не более чем хижина скваттера на Капитолий. Впрочем, по меркам такого

¹⁸ Podmore F. Op. cit. P. 337.

¹⁹ Owen R. Memorial... P. 7.

²⁰ Owen R. Opening speech... P. 208.

²¹ Podmore F. Op. cit. P. 337.

²² В «Революции в сознании...» этот намек стал более явным, так как в число просителей Оуэн занес и мексиканского посла.

²³ О «Новой Гармонии» см.: Захарова М. Н. Р. Оуэн и оуэнисты в США // История социалистических учений. М., 1976; Кол (Коул) Дж. Г. Д. Указ. соч.; R. Owen in the United States. N. Y., 1970; Young M. Angel in the Forest. N. Y., 1945.

²⁴ Owen R. Life of R. Owen... P. 36, 39, 78—85.

²⁵ См.: Захарова М. Н. Указ. соч.; Кол (Коул) Дж. Г. Д. Указ. соч.; Доллеан Э. Р. Оуэн: Его жизнь и учение. СПб., Б. г. С. 144.

²⁶ Волгин В. П. Очерки истории социалистических идей (первая половина XIX в.). М., 1976. С. 8.

²⁷ Очень немногие исследователи рассматривали историю оуэнизма как процесс развития учения Оуэна. См.: Неманов И. И. Некоторые итоги и проблемы изучения Р. Оуэна // История социалистических учений. М., 1976.

²⁸ Cantu G. Op. cit. P. 140. Г. Канту опубликовал в своей работе текст «Меморандума», хранящийся в архиве МИДа Мексики.

²⁹ См.: Оуэн Р. Доклад, представленный Комитету Ассоциации для облегчения положения... рабочих // Оуэн Р. Избр. соч. М., 1950. Т. 1; Он же. Доклад графству Лэнарк // Там же.

³⁰ New Harmony Gazette. 1827. May 16.

³¹ Ibid.

³² См.: Оуэн Р. Описание ряда бед и заблуждений // Оуэн Р. Избр. соч. Т. 1.

захолустья, каким был штат Индиана, селение считалось процветающим. «Это лучший приют в дороге, который я могу предложить тем, кто отправляется со мной в необычное путешествие», извинился Оуэн перед первыми «гармонийцами»³³. Временному пристанищу соответствовал походный быт, лишь отдаленно напоминающий порядки идеальной общины. К отступлениям от буквы проекта Оуэн отнесся спокойнее, нежели следовало ожидать. В 1826 г., не просуществовав и года, «Новая Гармония» распалась на два поселения. Ничего страшного, убеждал Оуэн, главное — они «основаны на подлинно коммунистических (communitic) принципах»³⁴. Раздоры не прекратились. Год спустя насчитывалось уже восемь отдельных общин, однако он уверял, что «социальная система теперь прочно утвердилась»³⁵. Сходство «Новой Гармонии» с «моделью», и без того дальнее, ослабевало с каждым месяцем, а Роберт Оуэн держался невозмутимо. Вероятно, он умел проигрывать достойно. Однако почему, подведя последнюю черту под опытом, Оуэн не приписал неудачу очевидной несхожести «Гармонии» с «образцом», изобретенным им самим? Нельзя ли предположить, что основополагающие принципы — совместный труд и общая собственность — значили для него не меньше, чем их внешнее оформление? «Новая Гармония» рушилась у него на глазах. Но в каждом из ее обломков сохранялась частица изначального замысла, подобие недостигнутого идеала.

В «Меморандуме» Оуэн не предписывает строгого соблюдения «проекта поселка». Разочаровался ли он в нем? Сомнительно, ибо «Новая Гармония» не могла служить ни доказательством, ни опровержением «модели». Она была слишком непохожа на нее³⁶. Кроме того, история «показательной» общины убедила Оуэна: не так важно расположение зданий, важнее — кто в них обитает.

Техас, обещает Оуэн, будет заселяться «людьми, избранными за их выдающееся трудолюбие, мастерство (skill), познания или капитал»³⁷. Нужно ли объяснять, какую выгоду принесут стране столь ценные жители, наделенные вдобавок «отменными нравами и воспитанием»³⁸. «Дикий» штат станет обителью избранных, царством безукоризненных манер и добродетели. А ведь первоначально «поселки единения» предназначались для лиц праздных и порочных — для пауперов. Оуэн брался превратить их в деятельных, достойных граждан³⁹. Если в Нью-Лэнарке при условиях не самых благоприятных ему удалось перековать негодные характеры, то община должна была обладать чудодей-

ственной силой. Правда, незадолго до покупки «Новой Гармонии» Оуэн отказался от заманчивого предложения: создать на землях, любезно предоставленных шотландским сквайром, показательный «поселок» из уголовников⁴⁰. Он не отважился пуститься в путь к «социальной системе» в такой компании. Кроме того, ему, по-видимому, не хотелось, чтобы первая община, эскиз обновленного мира, воспринималась как пролог тюремной реформы.

В «Новой Гармонии» народ подобрался пристойный, некоторые даже блистали ученостью. Не все были единомышленниками Оуэна, но безучастным к его замыслам не оставался никто. Тем не менее дела общины поначалу выглядели плачевно. Это казалось странным, поскольку она наследовала земли и имущество преуспевающей колонии Фридриха Раппа. Объяснение не заставило себя ждать. «Человеческая природа и есть та трудность, с которой столкнулся мистер Оуэн,— писала не без сарказма „Глоб“ в октябре 1825 г.—Колп сон, кормежка и хорошее самочувствие составляют все счастье, община, вне всяких сомнений, достигнет совершенства»⁴¹. Вывод очевиден: Оуэн никогда не добьется успеха. Человек безнадежно эгоистичен и ленив, мечты о его возрождении тщетны. Сподвижники Оуэна обнаружили причину неурядиц тоже в людях. «По нашему мнению,— писал в марте 1827 г. Р. Дэль Оуэн,—слишком мало придавал Оуэн значения антиобщественным (anti-social) условиям, которые прежде окружали многих из набранных влопыхах обитателей „Новой Гармонии“»⁴². Оуэновская формула «человек — продукт обстоятельств» разъяснила все. Старое, неразумное общество сделало гармонийцев лежебоками и склочниками. По доброте своей, а также желая ускорить дело, Оуэн принял в общину людей, занесших в нее заблуждения и дух разногласий. Они-то и погубили «Гармонию». «Практика показала невозможность быстрого образования коммун из крайне несовершенного материала», — подытожил Оуэн, когда эксперимент явно провалился⁴³.

Если бы он мог начать опыт со свежим материалом, не испорченным системой заблуждений и зла... Увы, спешить было не в его власти⁴⁴. Памятуя о прежнем промахе, он впускал бы в Техас далеко не всякого. Без суеты, обстоятельно он отбирал бы тех, «чей просветленный ум возвысился над национальными предрассудками»⁴⁵. Однако даже такие люди, сказочно одаренные, усердные, менее других пораженные безумием старой системы, в глубине души оставались бы ее отпрысками. По мнению Оуэна, они смогли бы подать пример общежития без соперничества, лишений, вражды. Но только тот, кто с малолетства будет возвращен в «поселках единения», приблизится к идеалу⁴⁶. «Новая Гармо-

³³ Цит. по: Podmore F. Op. cit. P. 292.

³⁴ New Harmony Gazette. 1826. May 10.

³⁵ Ibid. 1827. May 6.

³⁶ Crisis. 1832. May 5.

³⁷ Owen R. Memorial... P. 8.

³⁸ Ibid. P. 7.

³⁹ См.: Оуэн Р. Доклад, представленный Комитету Ассоциации...; Он же. Доклад графству Лэнарк.

⁴⁰ Podmore F. Op. cit. P. 274—275.

⁴¹ Globe. 1825. Oct. 6.

⁴² New Harmony Gazette. 1827. Mar. 28.

⁴³ Ibid. Aug. 8.

⁴⁴ См.: Оуэн Р. Революция в сознании... С. 176.

⁴⁵ Owen R. Memorial... P. 8.

⁴⁶ Ibid. P. 9.

ния» лишний раз убедила его в этом. Современники были для Оуэна потерянными поколением. Он сумел бы спасти их тела от голода и страданий, но не надеялся излечить их заблудившие умы⁴⁷.

«Я был не в состоянии предвидеть все трудности, которые могли возникнуть», — признался Оуэн, выступая в 1827 г. в «Новой Гармонии»⁴⁸. Собственно, сложности сводились к одному: приходилось возводить действующую модель «нового строя», используя малоприспособленные для этой цели средства. Вместо «параллелограмма» — селение ранпистов, вместо людей здравомыслящих — упорствующие в суевериях. Можно ли соединить паровую машину с лошадью, газовый рожок с салочной свечой, вопрошал некогда Оуэн?⁴⁹ А ведь его план «не только отличается, но и прямо противоположен общественной системе, применявшейся до сих пор»⁵⁰. Нелепо помышлять об их сочетании. Тем не менее, проводя свои опыты, Оуэн вынужден был принимать условия, которые диктовало ему существующее общество. Оно постоянно стесняло его. «Предприятие слишком долго развивалось по принципам старой системы, — сетовал он жителям Нью-Лэнарка в 1816 г., — и я мог ввести новую только в ограниченных размерах»⁵¹. Первая община бросила бы вызов порядкам «неразумного мира». Однако разве она не зависела бы от его законов? Оуэн, похоже, опасался этого.

Поселок Рапша Оуэн купил по случаю, но удачно. По европейским понятиям приобретение обошлось недорого. Впрочем, Оуэн выгадал не только в деньгах. «Новый свет» мнился ему, как и многим его соотечественникам, вольным краем, свободным от вековых бездарных установлений и традиций. В 1825 г., держа речь перед Конгрессом США, Оуэн посвятил американцев в преимущества, даруемые их положением. Осуждавший прежде политику как занятие по меньшей мере никчемное, он восхищался «политической свободой, достигнутой в тяжелой борьбе» американской нацией⁵². «К счастью для вас и для грядущих судеб рода человеческого, — уверял Оуэн, — здесь нет узаконенной силы, поддерживающей невежество, ошибки, суеверия»⁵³. Конечно, подлинную «свободу разума» американцы еще не обрели, но они более других народов подготовлены к вхождению в «новый нравственный мир»⁵⁴.

Комплименты Оуэна не просто любезность, расточаемая гостем. И в частных письмах он похвально отзывался об умонастроениях американцев, сознающих вред частной собственности

и посему готовых приступить «к созданию новой державы (empire) на принципах общественной собственности»⁵⁵.

Но пока приходилось подчиняться прежнему законодательству. На правах «гражданина вселенной» Оуэн испрашивает протекции закона для общины и «рациональной религии», ибо они не противоречат Конституции США⁵⁶. Он, видимо, считал вполне допустимым искать снисхождения «старой системы» ради ее же уничтожения! Впрочем, в покровительстве особой нужды не было. Жизнь общиной воспринималась как дело вкуса, а не правонарушение. К тому же «Новая Гармония» находилась в такой глухомани, что юстиция превращалась в понятие чисто умозрительное. Оуэн мог безбоязненно проповедовать свою «религию» и распоряжаться в «поселке» по своему усмотрению.

Однако в «Меморандуме» он категорично заявляет: опыт, проведенный в США, доказал, что его «система не может быть применена при любом из нынешних правлений, как древних, так и новых... Следовательно, необходима область (district), свободная от всех существующих законов, институтов и предрассудков, где можно было бы продемонстрировать новое состояние общества»⁵⁷. Пожалуй, это важнейший урок «Новой Гармонии». Оуэн и раньше понимал, сколь трудно взрастить разумное на почве, изуродованной заблуждениями. Попытки найти компромисс со старым обществом окончились неудачей. Нужна земля, которой еще не коснулись губительные веяния «цивилизации», где «природа человека» не соприкасалась бы с искусственными, надуманными институтами. Итак, апология «естественного состояния», столь почитаемого утопистами минувшего, XVIII в.? Нет, Оуэн никогда не воспевал «природного состояния». Он признавал, что американские индейцы до появления европейцев были благороднее, ибо в их душах не жила пагуба стяжательства⁵⁸. Но можно ли назвать скудное, темное бытие счастливым? Глупо возвращаться к временам, конечно, добродетельным, однако убогим. Поиски земли первозданной имеют у Оуэна иной смысл, нежели у его предшественников. Он стремился обезопасить свой очередной эксперимент, отгородившись на чистом клочке планеты от разрушительного воздействия старого мира. Но даже в отдалении от цивилизации небольшая община неминуемо окажется в ее власти. А потому Оуэн намеревался создать в Техасе не «поселок единения», а «независимое государство общин, основанных на социальной системе», признать суверенитет которого должны США, Мексика и Британия⁵⁹.

Пожалуй, уступив генерал Уэйвел свое ранчо даром, Оуэн все равно отказался бы от него. Он не желал более заниматься

⁴⁷ Owen R. Opening speech... P. 44.

⁴⁸ New Harmony Gazette. 1827. Aug. 8.

⁴⁹ Ibid. May 9.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Owen R. Address to the inhabitants... P. 113.

⁵² New Harmony Gazette. 1827. Apr. 25.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ Ibid. Apr. 18.

⁵⁵ Цит. по: Harrison J. F. C. R. Owen and the owenites in Britain and America. L., 1969. P. 55.

⁵⁶ New Harmony Gazette. 1827. May 9. 16.

⁵⁷ Owen R. Memorial... P. 6, 10.

⁵⁸ Owen R. New view of society. P. 71

⁵⁹ Owen R. Memorial... P. 7

устройством «показательных» общин. «Новая Гармония» не оправдала надежд. Не только потому, что она не поднялась выше блеклого подобия «модели». В конечном счете неудачной была не «Гармония», а попытка всколыхнуть человечество, изобразив перед ним картинку из жизни обновленного общества. Мир остался к ней равнодушным. На сей раз Оуэн не решил самую трудную для него задачу: как избавиться от неразумного строя? Мысль о насилии он отвергал начисто. Средство, испробованное в США, оказалось безуспешным. Да и в Мексике Оуэн не преодолел бы это препятствие, он попросту обошел бы его.

Чуть позже, в начале 1830-х годов, Оуэн повел борьбу с существующим строем на иной лад. Он настойчиво добивался сплочения всех грудящихся Британии, признав в них возможных творцов социальных перемен. Он уже не столько убеждал «старый мир» сдаться по-хорошему, сколько вынуждал его к капитуляции. Рабочие базары и гильдии были не иллюстрациями, а орудиями, призванными по замыслу вытеснить капиталистические порядки⁶⁰. Безоговорочно осуждал Оуэн своих учеников, мечтавших спастись от бедствий «цивилизации» в обособленных общинах⁶¹. Слово «эксперимент» почти исчезает из его лексикона.

Перемена в Оуэне разительна. По утверждению ряда историков, он метался из крайности в крайность, не знал, что предпринять, не был в силах вести сам, не мог следовать за другими⁶². Все-таки несправедливо отказывать Оуэну в обдуманности поступков. Методом проб и ошибок искал он пути к «новому нравственному миру». Разве мексиканский проект не сродни последующим, общенациональным акциям Оуэна? Конечно, Техас «продемонстрировал» бы иное «состояние общества». Но не это было главным. Превратившись в закон независимой страны, «социальная система» стала бы неуязвимой для злой воли и невежества. Судьба оуэновской державы была бы радостной, невзирая на восхищение или неприязнь остальных наций.

Таким образом, мексиканский план — своего рода интермедия между двумя периодами истории оуэнизма, пролог свершений 1830-х годов и эпилог «показательных опытов». Проект возник в короткий срок. Оуэн не имел времени досконально обдумать его. Но уместно ли видеть в нем плод внезапного озарения или досады на неудачу? Быть может, он подготовлен изменениями, которые исподволь происходили во взглядах Оуэна?

Сценки из быта «Новой Гармонии» исследователи пересказывают часто⁶³. Ничего удивительного, ибо подобных поселений не создавал дотоле ни один утопист. Все возбуждает любопытство: труд «гармонийцев», их развлечения, моды, привязанности. И ко-

нечно, сам Оуэн. Вначале исполненный надежд, затем утихомиривающий страсти и напоследок пытающийся избежать полного разорения⁶⁴. Четыре года отдал он общине. Нередко складывается впечатление, будто эти годы безраздельно принадлежат хронике «Новой Гармонии», а не истории оуэновского учения. Как бы ни одолевали Оуэна заботы общины, он все же жил не только ими. Мысль его не увязла в коллизиях маленького сообщества. Напротив, она стала раскованнее⁶⁵.

В 1825 г., выступая в конгрессе, Оуэн обронил примечательную фразу: «Волею обстоятельств я был вынужден много размышлять и мало говорить»⁶⁶. Действительно, в Британии он соблюдал крайнюю деликатность выражений, щадя чувства своих неразумных земляков. Лишь однажды в августе 1817 г. Оуэн пренебрег осторожностью и возвестил им о ложности всех религий⁶⁷. Скандал грянул незамедлительно. Оуэн поспешил унять его, предложив создавать «поселки» на конфессиональной основе⁶⁸. Общение со старым миром требовало «мудрости змия и кротости голубя»⁶⁹. Подчас он изъяснялся намеками. Описывая блага, кои жители общин получают от совместного владения имуществом, Оуэн подводил читателя к выводу о ненужности частной собственности, предоставляя ему самому поставить точку над «и». Открыто обличить частную собственность, как явление тлетворное и губительное, в Англии он не решился.

В США, где, по его предположению, условности были не в чести, Оуэн ощущал меньшую стесненность. 4 июля 1826 г. он огласил в «Новой Гармонии» «Декларацию умственной независимости», в которой впервые именовал частную собственность, религию и брак «тройцей зол», приносящей чудовищные несчастья человечеству⁷⁰. Накопец-то Оуэн воздал существующему обществу полной мерой, без скидок и поблажек. Мир «цивилизации» предстал теперь более объемным и потому более отвратительным. Изменения коснулись не только тона оуэновских произведений.

Одно из самых пространных сочинений, опубликованных в «Нью Хармони газет», именовалось «Социальная система»⁷¹. Его постигла участь многих творений Р. Оуэна. Оно затерялось среди множества заурядных работ, которыми исследователи, как правило, пренебрегают. В конечном счете не ими отмечена стол-

⁶⁴ Таким изображают его, в частности, Р. Горпетт, Д. Харрисон. См.: *Garnett R. Op. cit.; Harrison J. F. C. Op. cit.*

⁶⁵ Одним из немногих историков, признающих этот тезис, является А. Мортон. См. его предисловие к кн.: *R. Owen in the United States*.

⁶⁶ *New Harmony Gazette*. 1827. Apr. 18.

⁶⁷ См.: *Оуэн Р.* Речь в таверне лондонского Сити // Оуэн Р. Избр. соч. Т. 1. С. 156.

⁶⁸ *Owen R. Further development of the plan for the relief of the poor // Owen R. New view of society...* P. 224—244.

⁶⁹ *Оуэн Р.* Революция в сознании... С. 140.

⁷⁰ *R. Owen in the United States*. P. 67—75.

⁷¹ *New Harmony Gazette*. 1826. Nov. 22; 1827. Mar. 14.

⁶⁰ См.: *Андерсон К. М.* К вопросу о характере оуэнистских организаций.

⁶¹ *Галкин В. В.* Наука или утопия? М., 1981. С. 142—143.

⁶² *Garnett R. Op. cit.*

⁶³ См.: *Захарова М. Н.* Указ. соч.; *Доллеан Э.* Указ. соч. С. 124—145; *Young M.* Op. cit.

боявая дорога оуэнизма, а трудами прославленными, вроде «Доклада графству Лэнарк». «Социальная система» заслуживает, пожалуй, большего почтения. Правда, впоследствии Оуэн неоднократно публиковал произведения под созвучными заглавиями. Но это было позже. А прежде названия оуэновских докладов и речей неизменно обыгрывали слово «план». Проект «поселка единения» образовывал остов ранних работ утописта. Он стремился дать исчерпывающий ответ на вопрос вполне конкретный: «как следует расселять на земле новых земледельцев, чтобы их труды дали наилучшие результаты для них самих и для общества?»⁷² Рассуждения о бедствиях современного строя служили как бы фоном, оттеняющим достоинства его предложений. В «Социальной системе» акценты расставлены иначе. Здесь главнейшие проблемы скорее философские: частная собственность и «природа человека», брак и семья, разум и история, религия и экономика. Оуэн не просто осуждает зримые пороки «старого общества», а пытается проникнуть в сердцевину его устройства. Если раньше он сравнивал недостатки нынешнего образа жизни с выгодами коллективного общежития, то теперь сопоставлял, по сути дела, два мировоззрения, две системы — «социальную» и «индивидуалистическую». Благодаря этому учение становилось всеобъемлющим, избавлялось, насколько возможно, от доктринерства, присущего любому утопическому проекту, настаивающему на безоговорочном подчинении его букве. Более широкий взгляд на существующий порядок вещей позволял отыскивать разные воплощения принципов «социальной системы», будь то общины, гильдии или Рабочие базары⁷³. Новые свойства, обретенные оуэнизмом в годы американского эксперимента, сказались на мексиканском плане.

До отъезда Оуэн подготовил только «Меморандум», который должен был создать благоприятное впечатление о замысле у мексиканцев да и у англичан. Оставалось сделать немного: выработать безупречные законы для совершенного государства. Увы времени не хватало. К счастью, плавание в Новый Свет тянулось долго, и Оуэн скрасил его «составлением кодекса, основанного на законах природы»⁷⁴. Наконец он осуществил давнее намерение. Еще в 1817 г. Оуэн обещал написать подобный свод, однако задуманного труда тогда не довершил⁷⁵. Теперь же к услугам правительств была готова «Всеобщая конституция, или Всемирный кодекс законов, выведенный из законов человеческой природы и предназначенный для правления людьми во всех странах»⁷⁶. Техас имел шанс стать первым обладателем превос-

ходнейшей конституции. Что касается остальных наций, то им не возбранялось воспользоваться ею, предварительно «признав и введя в практику принцип „человек не ответствен за свой характер“»⁷⁷. Кодекс обращен к человечеству, по крайней мере изъяснившему желание разорвать узы «старого общества». Но в целом он предназначался тем, кто с рождения будет воспитываться в «поселках»⁷⁸. Пора их зрелости станет временем совершеннолетия «социальной системы». А до тех пор в «образцовой» державе будут обитать как бы два народа. Взрослые, подобные недорослям, ибо их рассудки подточены былым, негодным строем. И дети, которые уже в «зеленые годы» во всем превзойдут отцов. На их суждения можно безбоязненно положиться. Оуэн умышленно наделяет 16-летних уроженцев «нового мира» правом смещать Совет общины, составленный из степенных выходцев «старого мира», буде они не разберутся в «законах природы»⁷⁹. Оуэновская «система» полностью соответствует естеству человека, однако не может ожить без соответствующей породы людей. Здравомыслие, не свойственное современникам Оуэна, «второе поколение» усвоит с колыбели. Отвращение к неравенству, лжи, лести и брани станет естественным чувством. Произойдет величайшее событие — «исчезнет бесполезная частная собственность, после того как дети, приобретая новые понятия и привычки, осознают ее никчемность»⁸⁰.

Приведенный закон звучит двусмысленно. Коли есть «бесполезная» собственность, стало быть, имеется и полезная? Если ее отвергнут только ближайшие потомки, следовательно, она сохранится в начале «социальной» эры? Дабы никто не вздумал превратно толковать «Кодекс», Оуэн снабдил его надлежащими примечаниями. В комментарии к данному, 14-му, закону он пишет исключительно о вреде частной собственности. Она извращает умы ее обладателей, и, что хуже, «ложится чудовищным бременем на производящие классы», которые принуждены содержать своим трудом имущих, оставаясь пауперами, отданными на милость благотворителей⁸¹. Частная собственность — бесспорное зло. «Излишняя», «бесполезная» — эпитеты, лучше всего, по мнению Оуэна, выражающие суть этого института. Конечно же, «новая система» с самого основания создавалась бы на принципе «равенства прав. [жизненных] условий и воспитания»⁸². Однако, как удостоверился Оуэн в США, тот, кто шагнет в нее из «неразумного мира», скорее всего, примет общность имущества скрепя сердце. Но дети коммуны, растущие словно члены единой семьи, сизмальства «пользующиеся всеми благами совмест-

⁷² Оуэн Р. Доклад графству Лэнарк. С. 205.

⁷³ Мы ограничились лишь беглыми наблюдениями. Творчество Оуэна в 1824—1828 гг. пужается в особом исследовании.

⁷⁴ Owen R. Opening speech.. P. 184.

⁷⁵ Owen R. Further development of the plan... P. 243.

⁷⁶ Вместе с другими документами, относящимися к мексиканскому проекту, «Конституция» была опубликована в кн.: Owen R. Opening speech... P. 48—52, 127—146.

⁷⁷ Ibid. P. 48.

⁷⁸ Им посвящено полностью 8 статей из 28.

⁷⁹ Owen R. Opening speech.. P. 51.

⁸⁰ Ibid. P. 50.

⁸¹ Ibid. P. 137—138.

⁸² Ibid. P. 131.

но», не смогут даже вообразить себе частное владение вещами⁸³.

Итак, пройдет немалое время, прежде чем «новый нравственный мир» полностью очистится от следов прошлого образа жизни. Идея промежуточного этапа, разделяющего прежнее и грядущее общество, в той или иной форме высказывалась большинством социалистов-утопистов конца XVIII — начала XIX в.⁸⁴ У Р. Оуэна переходное состояние, уже не капиталистическое, но и не вполне идеальное, связывалось с необходимостью «перерождения сознания человека». Такова распространенная точка зрения. Она основывается на убеждении, будто Оуэн придавал этическим проблемам большее значение, нежели вопросам экономики⁸⁵. Все же, как глубоко ни верил Оуэн в силу воспитания, он полагал, что нравственность обязана иметь материальную основу. Разумеется, в «поселках» детей приучали бы к «общности имущества», внушали бы добрые помыслы. Но много ли проку в голословных поучениях? «В следующем поколении, — пишет Оуэн в том же комментарии, — когда на деле будет обнаружено, сколько требуется физического труда, коему помогают новшества механики и химии для производства великого изобилия всего самого лучшего для всех, тогда, но не ранее» возникнет иное отношение к частной собственности⁸⁶. Следовательно, пока не будет достигнуто изобилие и каждый не сможет наслаждаться полным достатком без каких-либо ограничений, человек не избавится от тяги к личной собственности. Пожалуй, переходный период, по Оуэну, был нужен, чтобы создать материальные условия для нравственного переворота в людях.

«Конституция» не предписывает ни планировки общин, ни определенной организации труда и быта. Она декларирует лишь важнейшие принципы: совместную собственность, равенство полов, всеобщность труда, отмену формального брака, свободу совести и форму правления «поселком». Мелочные установления Оуэна более не занимают. Он уже убедился на собственном опыте, что жизнь вносит поправки даже в самый продуманный план. Оуэн мыслит не как проектировщик «поселка», а как подобает творцу «социальной системы».

Как ни странно, исследователи обращаются к «Кодексу», порой не подозревая о его существовании. Дело в том, что он без существенных изменений был включен в знаменитые произведения Оуэна — «Книгу нового нравственного мира» и «Революцию в сознании...»⁸⁷. Так можно ли утверждать, будто мексиканский проект прошел бесследно для истории оуэнизма? Однако

свидетельство в пользу мексиканского плана оборачивается против Оуэна. Если он в своих классических сочинениях использовал в первоизданном виде работу двадцатилетней давности, то не правы ли историки, доказывающие, что мысль Оуэна топталась на месте? Ответ требует особого разговора. Все же хотелось бы обратить внимание на любопытное обстоятельство, не подмеченное прежде. В «Кодексе» и упомянутых книгах одни и те же законы сопровождаются совершенно разными пояснениями. Например, во всех трех произведениях первый закон гласит: «Каждый будет обеспечиваться наравне со всеми [предметами], наиболее благоприятными для человеческой природы, благодаря общественному устройству, которое придаст самое лучшее применение трудолюбию и талантам каждого индивида»⁸⁸. В «Кодексе» эта статья призвана «предупредить всякую нищету и все страхи, преступления и страдания, кои она порождает»⁸⁹. В «Книге нового нравственного мира» (1844) Оуэн истолковывает ее как указывающую верный способ уберечься от вражды, ибо, «подобно тому как воздух достается всем без соперничества, так будет доставаться и богатство»⁹⁰. В 1849 г. предназначение закона объясняется иначе. Его смысл заключается в том, пишет Оуэн, что «каждый по справедливости имеет право на равенство со всеми»⁹¹. Итак, три не противоречащих друг другу, но все же разных толкования⁹². Удобно было бы сослаться на часто упоминаемую неуравновешенность утописта, толком не знавшего, чего он хотел. Тем не менее Оуэн, пожалуй, прекрасно ведал, к чему стремился. Более того, он улавливал перемены в настроениях и симпатиях тех, к кому обращался. В 1820-е годы не было проблемы острее, нежели пауперизм. И в «Кодексе» Оуэн изображает свою «систему» способной разрешить этот вопрос. В 1849 г., в разгар политических потрясений, охвативших Европу, Оуэн выпускает книгу, начинающуюся словом «Революция», и связывает первый закон с лозунгом равенства. По мере сил он старался не отстать от эпохи, принаравливался к ее ходу. Не изменяя своему кредо, не поступаясь духом «социальной системы», Оуэн подыскивал ей в зависимости от злобы дня новые обличия. В 1828 г. она могла предстать в ипостаси «социального» государства Техас и Коауила.

Мексиканский проект, несомненно, большее, нежели эксцентрическая затея. Он был полезен в первую очередь самому Роберту Оуэну, ибо дал повод оглянуться на опыт прошлых лет, разобраться в упущениях и находках. На страницах «Меморандума» и «Кодекса» возник образ идеального государства с наи-

⁸³ Ibid. P. 137.

⁸⁴ Такова, например, «диктатура» Г. Бабёфа или «гарантизм» Ш. Фурье. См.: Подмарков В. Р. Оуэн. М., 1976. С. 66; Бер М. История социализма в Англии. М.; Л., 1923. Т. 1. С. 237—241; Podmore F. Op. cit. P. 645.

⁸⁵ Owen R. Opening speech... P. 157.

⁸⁶ Изменения сводятся в основном к расположению статей и сугубо стилистическим поправкам. См.: Owen R. Book of the New moral world. I... 1844. Pt 6. P. 84—88; Owen R. Revolution in the mind... P. 61—67.

⁸⁸ Owen R. Opening speech... P. 49; Idem. Book of the New moral world. Pt 6. P. 84; Idem. Revolution in the mind... P. 61.

⁸⁹ Owen R. Opening speech... P. 127.

⁹⁰ Owen R. Book of the New moral world. Pt 6. P. 22—23.

⁹¹ Owen R. Revolution in the mind... P. 72.

⁹² Соответствующие изменения претерпели комментарии и к остальным законам «Кодекса».

лучшей конституцией и совершенным народом. От того, что он остался всего лишь изображением, ценность его не пострадала. Наброски, сделанные для техасской «Утопии», стали черновиками будущих замыслов и книг.

Техасский план можно отнести к серьезным приобретениям теории оунизма. Но как деловое предприятие он был по меньшей мере сомнительным. Чего стоит одна просьба подарить Техас безвозмездно! Земли провинции не были необитаемыми или бросовыми. Напротив, на них обосновалось немало поселенцев и еще больше зарилось на участки в Техасе. Уже долгое время американцы настойчиво прибирали этот край к своим рукам, а с середины 1820-х годов наседали на Мексику, уговаривая уступить им его⁹³. Газеты без обиняков утверждали, что мексиканцы не сумеют распорядиться Техасом, а Соединенным Штатам он жизненно необходим⁹⁴. Завязав переговоры с республикой, американцы советовали ей продать Техас по-хорошему. Рекомендация аргументировалась угрозами, шантажом, мятежами колонистов. Мексиканцы все же не торопились расстаться с провинцией, опасаясь, что за ней наступит черед других территорий. Остановить натиск соседей тем не менее не удавалось. Мексика была слишком ослаблена войнами, переворотами, чтобы воспрепятствовать постепенной «американизации» Техаса. Многие видели спасение в заселении штата эмигрантами из Европы⁹⁵. Однако дальше пожеланий дело не продвинулось.

Именно на раздорах Мексики с США строил свой расчет Роберт Оуэн. Техас, писал он в «Меморандуме», «осваивается ныне таким образом, что неизбежно порождается вражда... между гражданами двух республик, которая в недалеком будущем может привести к войне»⁹⁶. Сколько раз мчался Оуэн в самые уязвимые области «старого мира», предлагая свое спасительное средство. В 1823 г. он проповедует его в Ирландии, пораженной тяжелейшим неурожаем, в 1848 г. — в Париже. А в 1828 г., когда «покупка» Техаса стала чуть ли не девизом многих американских политиков, легко можно было предсказать надвигающееся столкновение. Подарив провинцию Оуэну, обе республики получили бы взамен нечто бесценное — мир и спокойствие.

Оуэновские доводы вряд ли перевесили бы 5 млн долларов. сулимых Мексике Соединенными Штатами. Если же паче чаяния случилось бы невероятное и Оуэн вступил бы во владение Техасом, перед ним разверзлась бы тьма неразрешимых проблем. Даже розыск людей, пригодных к «социальной системе», потребовал бы титанического труда без особой надежды на успех. Вообразим, будто Оуэн все-таки отыскал достаточное число подобных уникамов. Кто оплатил бы их переезд, обустройство и про-

чие расходы? Не хватило бы и прежнего состояния Оуэна, еще не подорванного «Новой Гармонией». На содействие Мексики, безнадежно увязшей в долгах, рассчитывать не приходилось. Наконец, что стало бы с теми, кто уже осел в Техасе? Большинство колонистов место было скорее в исправительном доме, нежели в «поселке единения». Согнать их с земли могло только грубое насилие, которое претило Оуэну. «Я знаю, возникнет много невероятных трудностей, когда я приступлю к делу, но мне доводилось ломать предрассудки, и бывлой успех придает мне уверенности», — заявил он накануне отъезда в Мексику⁹⁷. Впрочем, в душе Оуэн не очень уповал на удачу и потому не слишком усердно добивался ее. Такое впечатление складывается при чтении путевых заметок Роберта Оуэна⁹⁸.

Из Англии он отплыл 22 ноября 1828 г. и приблизительно 10 января 1829 г. добрался до Мехико. За это время в республике произошло несколько мятежей и сменилось три президента⁹⁹. Разобраться в положении дел было крайне непросто: прежние власти уже бездействовали, новые еще не начали действовать. В столице Оуэн пробыл чуть более недели. Обязанности провожатого и толмача взял на себя британский посол Пэкенхэм. Первый визит был нанесен Хосе Мариа Боканегре, министру иностранных дел, занявшему свой пост недавно и, как поговаривали, ненадолго¹⁰⁰. Имя Оуэна ему ничего не говорило. Похоже, он так и не понял, что нужно англичанину, или постарался не понять. Человек сугубо консервативных взглядов, Боканегра почитал реформы за вредную нелепость¹⁰¹. Вдобавок в те дни ему доставало собственных забот, поскольку в должность президента вступал его политический противник. Правда, он учтиво попросил Оуэна прислать испанский перевод «Меморандума», вероятно запытавшись, что тот давно лежит в его канцелярии.

Самым высокопоставленным лицом, которого посетил Оуэн, был Фернандес Гуадалупе Виктория, президент республики. Герой войны за независимость, отчаянный инсургент, он отличался поразительной честностью. Гуадалупе Виктория покинул президентский дворец таким же бедняком, каким и вошел в него. Кроме того, он был, пожалуй, единственным президентом Мексики тех времен, которому удалось отслужить свой срок до конца¹⁰². Возможно, этому помогло то обстоятельство, что он не встречал в государственные дела, ибо по своей необразованности мало в них смыслил. План Оуэна, видимо, понравился ему. По крайней мере, он уделил просителю значительно больше времени, чем министр. Собственно, Гуадалупе Виктории некуда было

⁹⁷ Podmore F. Op. cit. P. 341.

⁹⁸ Они были опубликованы в кн.: Owen R. Opening speech... P. 180—223.

⁹⁹ См.: Паркс Г. Указ. соч. С. 179—181; Bocanegra J. M. Memorias para la Historia de Mexico independiente. Mexico, 1892. T. 1.

¹⁰⁰ Owen R. Opening speech... P. 207.

¹⁰¹ Bocanegra J. M. Op. cit. T. 1.

¹⁰² См.: Паркс Г. Указ. соч. С. 177.

⁹³ Подробнее об истории Техаса см.: Паркс Г. История Мексики. М., 1949. С. 187—192; Binkley W. Expansionist movement in Texas. Berkley, 1925.

⁹⁴ McMaster J. B. History of the people of the USA. N. Y., 1900. Vol. 5. P. 221.

⁹⁵ Heróles J. R. El liberalismo Mexicano. Mexico, 1957. T. 1. P. 127—147.

⁹⁶ Owen R. Memorial... P. 7.

спешить. Через несколько дней ему предстояло расстаться с президентским креслом. Впрочем, он уже давно отстранился от власти и никого не интересовал. Вероятно польщенный вниманием, он пообещал Оуэну отдать в его распоряжение территорию шириной 150 миль вдоль всей границы с США, от Тихого океана до Атлантического. Недурно было бы, добавил президент, устроить «социальную систему» и в Калифорнии. «Мне осталось лишь выразить признательность за отношение к моей просьбе», — записал в дневнике Оуэн¹⁰³. Поздним вечером того же дня, прогуливаясь по пустынному Мехико, Оуэн ощутил «необъяснимое, сладостное волнение». Он стоял на земле древней столицы солнцеклонников, которых Кортес покорил мечом, дабы утвердить католицизм. «И вот спустя три века я нахожусь в этом городе, один и без оружия... Я закладываю здесь фундамент системы деятельного милосердия и мира, полностью противоположной католическим обрядам и догмам... Предо мною открывается светлая перспектива невиданного успеха. Я пришел сюда, чтобы преобразить Мексиканскую республику»¹⁰⁴. Неужели Оуэн всерьез доверился словам бывшего президента, с которым и прежде никто не считался? Ведь его уведомили, что Гуадалупе Виктория не пользуется ни малейшим влиянием, да и сам Оуэн считал его «человеком простецким, не искушенным в проблемах государственных, неспособным проводить четкую политику»¹⁰⁵. Здравый смысл подсказывал, что Оуэну необходимо заручиться поддержкой нового президента, генерала Висенте Герреро. На церемонии вступления Герреро в должность Оуэн попросил Пэкенхэма представить его. Однако генерал «из-за усталости был слишком не расположен к знакомству»¹⁰⁶. Другой попытки встретиться с главой республики Оуэн не предпринял.

Довольствовавшись устным обещанием экс-президента, он покинул Мексику в уверенности, что все улажено. Конечно, стоило бы задержаться, довести дело до конца, но Оуэн не мог ждать. В апреле в г. Цинцинати должен был открыться «первый в истории человечества публичный диспут между ортодоксальной религией и ее решительным противником»¹⁰⁷. Проще говоря, Оуэну предстояла полемика о сущности христианства с преподобным Александром Кэмпбеллом. Время дискуссии было возведено год назад. Не явиться значило бы признать свое поражение. Его оппонент, провинциальный священник, не принадлежал к светочам теологии и не мог похвастаться именитостью. Вся его заслуга состояла в том, что он один откликнулся на вызов Оуэна. Противоборство с заурядным священнослужителем стоило Техаса, ибо Оуэну оно виделось не простым спором, а генеральным

сражением двух мировоззрений. Ну а техасское предприятие? «Я предпринял путешествие, — сказал он в частной беседе, — и внес петицию с единственной целью показать здешнему правительству, какими неизмеримыми возможностями для творения добра оно обладает. У меня нет личной заинтересованности в этом деле, потому я отношусь к нему спокойно»¹⁰⁸. Оуэн явно не рвался к немедленному успеху. Составив проект, он проездом в Цинцинати завернул на недельку в Мехико. Быть может, ему бы ненароком повезло. А если бы план отвергли, оставалось бы сожалеть о неведанности тех, кто упустил верную возможность облагодетельствовать страну. Не на Оуэна легла бы вина за неудачу. Не поэтому ли в 1849 г. он припомнил чудесный проект, погубленный кознями невежд?¹⁰⁹ Сам он, впрочем, обошелся с ним довольно легкомысленно. Поездка в Мексику кажется своего рода игрой, где Оуэн не мог оставаться в накладе при любом исходе.

Ему подыгрывало не так мало людей. Что побудило, например, Джорджа Гамильтона, графа Абердина дать рекомендательное письмо к Пэкенхэму? Министр иностранных дел был отпетым реакционером. Тем не менее он хлопотал за Оуэна, который недавно устраивал коммунистическую колонию в США, а теперь ехал за тем же в Мексику. Конечно, граф ходатайствовал не за «социальную систему», а за своего личного знакомого, мистера Оуэна, фабриканта и обаятельного человека, у которого есть маленькое увлечение — общины. Письмо ни к чему не обязывало Абердина. Светская любезность, не более. Однако Оуэн неизменно путал отношение к себе с отношением к своему учению, к тем идеалам, ради которых он жил. Но так ли он грешил против истины, утверждая, будто поехал в Мексику «с согласия и при помощи британского правительства»?¹¹⁰

О людях Оуэн судил во многом по тому, насколько они проникались его идеями. К примеру, Пэкенхэм, оказавший ему немало услуг, выглядел посредственностью. Три часа посвящал его Оуэн в принципы «законов природы». Посол, видимо, не выразил должного восхищения, хотя добросовестно опекал Оуэна в Мехико. Пэкенхэм, заключил Оуэн, «образец английского джентльмена, весьма усерден в исполнении своих обязанностей», но, к сожалению, не разбирается в людях, ибо не видит в них «сложного порождения обстоятельств»¹¹¹.

Самое благоприятнейшее впечатление произвел Джоэль Пойнсетт, посол США в Мехико. Оуэн узрел в нем одного из «наиболее сведущих, деятельных и талантливейших государственных мужей современности»¹¹². При первой же встрече он попросил Оуэна «как можно полнее изложить ему свои воззрения и

¹⁰³ *Owen R. Opening speech...* P. 197—198.

¹⁰⁴ *Ibid.* P. 211—212.

¹⁰⁵ *Ibid.* P. 197.

¹⁰⁶ *Ibid.* P. 198—199.

¹⁰⁷ *Owen R. Opening speech ..* P. 147.

¹⁰⁸ *Ibid.* P. 205.

¹⁰⁹ *Оуэн Р. Революция в сознании...* С. 300.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ *Owen R. Opening speech ..* P. 215. 216.

¹¹² *Ibid.* P. 201.

цели»¹¹³. На следующий день Пойнсетт вдруг вспомнил, что в 1825 г. слушал Оуэна в конгрессе США и, оказывается, с тех пор неустанно размышлял над услышанным. «Я быстро обнаружил,— записал Оуэн,— что он человек выдающегося ума, прекрасно знакомый с человеческими характерами»¹¹⁴. Замыслы Оуэна так воодушевили посла, что он взялся добиться их осуществления. «Я думаю,— уверял он,— что полностью постиг ваши взгляды. Я нахожу ваши принципы неоспоримыми. Их воплощение было бы бесценным»¹¹⁵. Со спокойным сердцем Оуэн доверил ему заботу о техасском проекте.

Техас был слабостью Пойнсетта. Ревностный поборник его отторжения Соединенными Штатами, он добивался у мексиканского правительства согласия на продажу провинции, действуя напористо и не всегда чистолюбно. Он учредил в Мексике масонские ложи по американскому образцу, через которые пытался влиять на политику республики. Пойнсетт не брезговал подкупом и был причастен к нескольким заговорам. Видимо, появление Оуэна с проектом колонизации Техаса, протекция английского посла пробудили у него определенные подозрения. Восторженное обращение в оуэнизм было, скорее всего, способом выведать подоплеку миссии Роберта Оуэна. Впрочем, Пойнсетту не стоило утруждать себя: в 1829 г. американский дипломат был без лишнего шума выслан из страны¹¹⁶.

Судя по запискам Оуэна, все, с кем ему довелось беседовать в Мексике, признавали достоинства его «системы». Правда, с мексиканцами он общался через переводчиков и в основном во время застолий¹¹⁷. Непринужденная обстановка, наверное, располагала к комплиентам. Серьезно и подробно Оуэн обсуждал свои намерения лишь с двумя жителями этой страны. В частности, он долго внушал епископу Пуэблы, что его план охранит католическую церковь от упадка. Чего не сделаешь ради торжества истины! Епископ, по словам Оуэна, вознамерился отстаивать его планы перед папой римским¹¹⁸.

С генералом Антонио Санта Аной Оуэн разговаривал дважды и подолгу. «Я редко встречал человека,— заметил Оуэн,— за исключением покойного Джефферсона, который так старательно вникал в суть системы»¹¹⁹. Несколько часов кряду, пункт за пунктом разъяснял он генералу законы «Конституции», а тот пытливым вниманием. «Считайте меня своим доверенным лицом в этой стране,— уговаривал Санта Ана,— я хотел бы, чтобы время от времени Вы посылали мне свои наставления, как добиваться столь желанной перемены»¹²⁰. Генерал ухитрился очаровать

даже врагов, а убеждения менял легко и постоянно. По меткому замечанию историка, его «политические похождения отличались чисто тропической безудержностью»¹²¹. Он служил попеременно всем властям, исподтишка подбираясь к собственному единовластию. В 1830-е годы он установил диктатуру, одну из самых гнусных в истории Мексики. Именно в его правление республика лишилась Техаса. Был ли спектакль, разыгранный им перед Оуэном, прихотью, или генерал на всякий случай угрожал именитому англичанину, сказать трудно. В своих мемуарах он эту встречу не вспоминал¹²².

Простодушные Оуэна делали его беззащитным перед проходчиками и лжецами. Первооткрыватель законов «человеческой природы» не всегда разбирался в людях. Обличая человечество, погрязшее в невежестве и пороке, он в каждом отдельном человеке подмечал только хорошее. Если судить по его воспоминаниям, за всю жизнь ему не довелось встретить ни одного законченного негодяя. Искренняя вера в человека, в его врожденную доброту была свойством натуры Оуэна. Порою она подводила его, но и подкупала многих из тех, с кем он соприкасался.

Итак, в Мексике он не достиг ничего осязаемого. Возможно, не каждое проявление интереса к его учению было показным. К сожалению, следов прямого влияния Оуэна на общественную мысль Мексики пока не обнаружено. Единственно известный нам отзыв о техасском проекте принадлежит человеку, который в биографиях Оуэна обычно упоминается без имени, просто как «мексиканский посол в Лондоне». Его звали Висенте Рокафуэрте-и-Бехарано. Эквадорец по происхождению, он был личностью одаренной. Его перу принадлежат несколько весьма дельных трактатов, написанных в духе лучших традиций латиноамериканского Просвещения¹²³. Отправляя «Меморандум» Оуэна в Мехико, Рокафуэрте добавил от себя: «Мистер Оуэн... известен своими филантропическими идеями и заслугами в учреждении колоний, а также настойчивостью, с коей он добивается введения новой системы общества, более подходящей, нежели современная, для обеспечения счастья человека... Как бы ни был я убежден в правильности его идей и красоте его теории, мне кажется невозможным осуществить их при нынешнем состоянии нашего народа. Он просит уступить ему провинцию Техас для проведения нравственных опытов в целях устранения коммерческого соперничества, политической и религиозной вражды; установления спокойствия посредством изобилия, которое распространится на все сословия благодаря удачному применению труда и промышленности, направляемых наукой... Я полагаю, что он предпринимает дальнейшее путешествие без малейшей надежды реа-

¹¹³ Ibid. P. 196—197.

¹¹⁴ Ibid. P. 216.

¹¹⁵ Ibid. P. 206—207.

¹¹⁶ *Bocanegra J. M.* Op. cit. T. 2. P. 20.

¹¹⁷ *Owen R.* Opening speech... P. 204.

¹¹⁸ Ibid. P. 199—200.

¹¹⁹ Ibid. P. 221.

¹²⁰ Ibid. P. 224.

¹²¹ *Паркс Г.* Указ. соч. С. 185; см. также: *Munoz R. F.* Santa Ana, el dictador resplandeciente. Mexico, 1983; *Simpson L.* Muchos Mexicos. Mexico, 1977. P. 232—255.

¹²² *Santa Ana A. L.* Mi historia militar y politica. Mexico, 1905.

¹²³ *Heróles J. R.* El liberalismo Mexicano Mexico. 1951. T. 1. P. 32—35.

лизовать свой проект, который, будучи прекрасным, весьма похвальным и благотельным в теории, на практике недостижим»¹²⁴. Посол Мексики Висенте Рокафуэрте спустя семь лет стал президентом Эквадора. Знакомство с учением Оуэна, разумеется поверхностное, внешне не отразилось в реформах, к которым он стремился, придя к власти. Сочувствие оуэновским идеалам не переросло в нечто большее¹²⁵. Рожденный индустриальной революцией, оуэнизм вряд ли мог найти твердую опору в Мексике, других странах Латинской Америки, отстававших от Англии намного — на целую эпоху промышленного переворота. В лучшем случае Оуэн мог пробудить сомнения в разумности существующих порядков, желание изменить их, но следуя иным образцам.

Путешествие Оуэна в Мексику лишь частный случай из жизни английского утописта. Тем не менее он рисует в несколько ином свете немаловажные страницы биографии Оуэна. Сложившаяся в историографии традиция судить об оуэнизме только по наиболее выдающимся произведениям и деяниям его родоначальника, видимо, не всегда оправдывает себя. Быть может, обращение к работам и событиям, на первый взгляд неприметным, позволит лучше понять Оуэна и судьбу его коммунистического учения?

¹²⁴ Полностью письмо В. Рокафуэрте опубликовано в кн.: *Cantu C.* Op. cit. P. 265. £39.

¹²⁵ *Roig A.* Momentos y corrientes del pensamiento utopico en el Ecuador // *Latinoamerica: Anuario-estudios latinoamericanos.* 14. Mexico, 1981.